

ОТРАЖЕНИЕ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В УДМУРТСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (на материале тематической группы «Небесная сфера»)

Кондратьева Наталья Владимировна,

доктор филологических наук,

профессор кафедры общего и финно-угорского языкознания

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, РФ), nataljakondratjeva@yandex.ru

Краснова Татьяна Александровна,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры лингвистической типологии и лингводидактики

ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет»

(г. Ижевск, РФ), tanja-krasnova@bk.ru

Введение. Фразеологический фонд любого языка отражает особенности культурно-национального представления об окружающей среде, а каждый фразеологизм вносит свой вклад в формирование общей языковой картины мира. Воздействие этого источника придает языку яркие черты национального характера. В фокусе данной статьи оказываются все типы фразеологических единиц (от идиом до пословиц и поговорок), содержащие в качестве ключевого слова лексемы, относящиеся к тематической группе «Небесная сфера» (включая воздушную сферу) и имеющие параллели в фольклорной традиции удмуртского народа.

Материалы и методы. Основным источником исследования послужили материалы из лексикографического труда «Средства образного выражения в удмуртском языке» (1996), а также фразеологические единицы, зафиксированные в изданиях «Удмурт кылтэчтьёс люканъя ужъюртос» (2003) и «Ингур: удмурт фольклоръя лыдзет» (2004). В работе использовался комплекс исследовательских методов: описательный, метод сплошной выборки, метод контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа, учитывающий ситуативно-детерминированные связи паремий и паремических выражений. Применение указанных методов позволяет рассмотреть на конкретном материале соотношение системно-языкового и когнитивного аспектов изучаемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение. В системе удмуртского языка в качестве основных единиц исследуемой группы выделяются статичное *ин* 'небо', где все имеет свое место и порядок, и динамичное *тёл* 'ветер', характеризующее стихию, мощный поток, обладающий как созидательной, так и разрушительной силой. Набор ключевых фразеологических единиц с компонентами *шунды* 'солнце', *пилем* 'туча', *толзэ* 'луна', *кизили* 'звезда', *гудыри* 'гром' позволяет выявить национальную специфику и мировосприятие удмуртского народа.

Заключение. Наиболее широкий спектр значений представлен лексемой *тёл* 'ветер'. Самой низкой дистрибутивной нагрузкой обладает компонент *гудыри* 'гром', что можно объяснить спецификой природного явления. В ряде случаев семантическая нагрузка исследуемых единиц имеет прямые параллели с образами и мотивами, присутствующими в отдельных жанрах удмуртского фольклора. Особенностью вербализации фразеологизмов выступает использование переносных значений.

Ключевые слова: удмуртский язык; финно-угорские языки; фразеологизмы; языковая картина мира; тематическая группа «Небесная сфера».

Для цитирования: Кондратьева Н. В., Краснова Т. А. Отражение языковой картины мира в удмуртской фразеологии (на материале тематической группы «Небесная сфера») // Финно-угорский мир. 2020. Т. 12, № 4. С. 389–399.

Введение

В языке любого этноса важную роль играют фразеологические сочетания – лексически неделимые, воспроизводимые единицы языка, устойчивые по составу и структуре и целостные по значению. В них отражаются история, народные представления о тех или иных предметах и явлениях, национально обусловленные сте-

реотипы восприятия окружающего мира. При этом в качестве одной из необходимых первооснов формирования и функционирования этноса как такового и всего комплекса его культуры выступает природная среда, поскольку «культурно-цивилизационное развитие человечества свидетельствует о том, что этнос, нация

и окружающая среда всегда представляли собой взаимосвязанную этнокультурную экологическую систему» [9].

Основной целью данной статьи стало изучение фразеологических единиц (ФЕ), в том числе паремий, содержащих в качестве ключевого слова лексему, относящуюся к тематической группе «Небесная сфера» (включая воздушную сферу), а также выяснение их роли в репрезентации языковой картины мира удмуртского народа.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи: а) выявить представленность ФЕ исследуемой тематической группы в лексикографических изданиях; б) определить их семантическое наполнение; в) выделить культурно-языковые особенности ФЕ, сохранивших архетипические основания и обеспечивающих построение общего, идентичного для носителей языка культурного пространства.

Тематическая группа «Небесная сфера» является одной из малоизученных в удмуртской лингвистике, что обуславливает актуальность исследования. Между тем набор ключевых ФЕ с компонентами *ин* 'небо', *тӧл* 'ветер', *шунды* 'солнце', *пилем* 'туча', *толэзь* 'луна', *кизили* 'звезда', *гудыри* 'гром' позволяет определить особенности языковой картины мира удмуртского народа, которая рассматривается как «важная составная часть общей концептуальной модели мира в голове человека, т. е. совокупности представлений и знаний человека о мире, интегрированной в некое целое и помогающей человеку в его дальнейшей ориентации при восприятии и познании мира» [11, 169].

С учетом вышесказанного объектом исследования стали фразеологизмы тематической группы «Небесная сфера». Предмет исследования – семантическое содержание ФЕ указанной тематической группы в языковой и культурной проекциях.

Обзор литературы

Фиксация первых лексических материалов по удмуртскому языку относится ко второй половине XVII в. В это время через территории современной Удмуртии проходили экспедиции, целью которых были из-

учение географии, природных богатств, описание жизни и быта различных народов России. Первые записи удмуртских фразеологических единиц были осуществлены гораздо позже, в XIX в., эстонским ученым Ф. Й. Видеманом: *kyl pottyny* 'сказать что-то лишнее (букв.: высунуть язык)', *kwara pottyny* 'крикнуть (букв.: подать голос)', *ker potyny* 'стесняться' и др. [21, 286], а также венгерским исследователем Б. Мункачи: *durzä baštini* (дур баштыны 'заступаться за кого-то'), *péd d'élam sél'èné* (пед йылам сылыны 'стоять на ногах'), *gèze-bèdsa murt* (гизы быдза мурт 'букв.: человек с ноготок (о невысоком человеке)') и др. [19, 240, 268, 608].

Традиции зарубежных исследователей XIX в. были продолжены в лексикографических изданиях XX в., в частности в словаре Т. К. Борисова «Удмурт кыллюкам»: *пунйез пуны уг сивы, кионэз кион уг кеся* 'собака собаку не укусит, волк волка не задерет', *pözem йыр* 'букв.: вареная головушка' и др.¹ Однако лишь в 1967 г. К. Н. Дзюиной был издан отдельный лексикографический труд, посвященный изучению удмуртских ФЕ, – «Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь», включающий более 2 000 исследуемых единиц². В этом же издании исследователь, опираясь на труды В. В. Виноградова, предложила краткий экскурс в теорию удмуртской фразеологии и выделила три группы устойчивых словосочетаний: фразеологические сращения (*варгаз жазег*), фразеологические единства (*куко миндер*), фразеологические сочетания (*кыл вераны*). В 1996 г. данная работа была расширена и издана в книге «Средства образного выражения в удмуртском языке»³.

Теоретические изыскания в области удмуртской фразеологии и паремиологии были продолжены И. В. Таракановым:

¹ См.: Борисов Т. К. Удмурт кыллюкам: Удмуртско-русский толковый словарь. Ижевск, 1932. С. 119, 137.

² См.: Дзюина К. Н. Краткий удмуртско-русский фразеологический словарь. Ижевск, 1967.

³ См.: Средства образного выражения в удмуртском языке / сост. К. Н. Дзюина. Ижевск, 1996. (Ссылки на это издание будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием сокращенного наименования – СОВУЯ.)

он выделил основные характеристики удмуртских фразеологизмов, а также проанализировал их с точки зрения составных частей [13, 73–74].

Важное значение для исследования удмуртской фразеологии имеют труды Г. Н. Лесниковой, которая в качестве основного признака ФЕ в удмуртском языке рассматривает «семантическое обновление» компонентов [12]; подготовленное ею учебно-методическое пособие «Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужъюрттос» также говорит о богатой фразеосистеме удмуртского языка⁴.

Как можно заметить, все вышеперечисленные работы либо фиксируют фактические данные, либо раскрывают общие теоретические основания удмуртской фразеосистемы. Однако удмуртская система ФЕ гораздо богаче, чем она описана на сегодняшний день. К сожалению, из тематических групп научное осмысление получили лишь соматизмы [8]. Перед современными исследователями стоит задача описания и других тематических групп фразеологизмов.

Материалы и методы

Основным источником исследования послужили материалы из лексикографического труда «Средства образного выражения в удмуртском языке», а также фразеологические единицы, зафиксированные в учебно-методическом пособии Г. Н. Лесниковой «Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужъюрттос», и пословицы и поговорки из хрестоматии по фольклору «Ингур: удмурт фольклоръя лыдзет»⁵. Необходимо подчеркнуть, что тематическая группа «Небесная сфера» (включая воздушную сферу) представляет собой не самую большую группу фразеологизмов – методом сплошной выборки нами было выявлено

всего 68 относящихся к ней ФЕ. Однако они имеют большое значение для репрезентации национальной языковой картины мира.

Для решения поставленных задач был использован комплекс исследовательских методов: описательный, метод сплошной выборки, метод контекстуального и ситуативно-контекстуального анализа, учитывающий ситуативно-детерминированные связи паремий и паремических выражений. Применение указанных методов позволяет рассмотреть на конкретном материале соотношение системно-языкового и когнитивного аспектов изучаемых единиц.

Результаты исследования и их обсуждение

Фразеологический фонд любого языка отражает особенности культурно-национального представления о мире, а каждый фразеологизм вносит вклад в формирование общей языковой картины мира. Воздействие этого источника придает языку яркие черты национального характера.

Как подчеркивают ученые, фразеологической системе языка свойственны такие особенности, как традиционность, устойчивость, количественное и качественное постоянство состава ФЕ в языке (см., например, [17, 66]).

Фразеологические единицы, отражая длительный процесс становления культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки, они всегда обращены на субъект речи и возникают не столько для того, чтобы отображать мир [6; 7], сколько для того, чтобы его интерпретировать, оценивать и проявлять к нему субъективное отношение [4, 354; 15, 19–20; 18, 230; 20, 81–84]. Иными словами, национальная специфика в семантике языка обусловлена прежде всего экстралингвистическими факторами – «особенностями развития культуры и истории народа, его образа жизни, нормами поведения в том или ином обществе, идеологией» [7, 18]. Все это в совокупности формирует языковую картину мира конкретного этноса, которая в современной гуманитарной науке рассматривает-

⁴ См.: Лесникова Г. Н. Удмурт кылтэчетъёс люканъя ужъюрттос. Ижкар: Будапешт, 2003. (Ссылки на это издание будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием сокращенного наименования – Лесникова.)

⁵ См.: Ингур: удмурт фольклоръя лыдзет / люказ, радяз но валэктонъёссэ гожтйз Т. Г. Владыкина. Ижевск, 2004. (Ссылки на это издание будут приводиться в тексте в круглых скобках с указанием сокращенного наименования – Ингур.)

ся как картина мира, репрезентирующая мировидение и миропонимание лингвокультурного сообщества, а также определяющая менталитет его членов, что проявляется в оценке ими состояния среды и возможности ее изменения, в позиции человека, его отношении к миру (природе, животным, самому себе, к другим людям) поведении (подробнее об этом см.: [5]). При этом важным фрагментом языковой картины мира становится именно фразеология. В. Н. Телия сравнивает фразеологический состав языка с зеркалом, в котором «лингвокультурная общность идентифицирует свое национальное самосознание» [14, 83]. По мнению исследователя, всякий фразеологизм есть текст, вбирающий и хранящий культурную информацию: «...образы, лежащие в основе фразеологизмов-идиом и связанных значений слова, в основной массе прозрачны для данной лингвокультурной общности, так как отражают характерное для нее мировидение и миропонимание, что и позволяет говорить о культурно-национальной специфике фразеологического состава языка» [14, 91].

Фразеологизмы, выражающие природные явления, традиционно делятся на четыре группы:

- а) ФЕ с элементами небесной сферы (включая воздушную сферу);
- б) ФЕ с элементами огненной сферы;
- в) ФЕ с элементами земной сферы;
- г) ФЕ с элементами водной сферы.

Данная статья посвящена изучению фразеологических единиц с компонентами тематической группы «Небесная сфера» (включая воздушную сферу). В вышеуказанных источниках были выделены ФЕ, относящиеся к указанной группе и отражающие мировосприятие удмуртского народа. Рассмотрим каждую из них подробнее.

1. Исходя из названия тематической группы «Небесная сфера» смыслообразующей для исследуемой группы ФЕ становится лексема *ин* ‘небо’ (всего 11 словоупотреблений, что составляет 16,2 % от общего количества выявленных примеров), содержащая в семантической нагрузке следующие ключевые признаки:

а) небо – покров: *Инмысь усем кадь* (СОВУЯ, с. 39) ‘Словно с небес свалился’; *Инмысь кизилитэсь васькемзэ вите* (СОВУЯ, с. 38) ‘букв.: Ждет, когда с неба звездочка упадет’; *Инэз йырыныз пыке* (СОВУЯ, с. 39) ‘букв.: Головой небо подпирает (о высоких людях)’; *Парсь инмез уг адзэ* (СОВУЯ, с. 87) ‘букв.: Свинья не видит неба (о недалеком человеке)’; *Инмысь усемзэ возьматозь, пыд азысьсэз утялты* (Ингур, с. 304) ‘Чем ждать манной небесной (букв.: то, что упадет с неба), прибери из-под ног’; *Инмез йырчукин уд берыкты* (Ингур, с. 320) ‘Небо не опрокинешь’; *инмысь уз усыы* (Лесникова, с. 36) ‘букв.: не упадет с небес’;

б) иной мир, который отличается от устоев земной жизни: *Инмысь музъем вылэ васькыны* (СОВУЯ, с. 38). ‘букв.: Спуститься с небес на землю ~ Витать в облаках’; *Йырыз инмын, ачиз пень вылын* (СОВУЯ, с. 42) ‘букв.: Голова на небе, сам на земле ~ Всяк знай свой шесток’. Необходимо подчеркнуть, что в этом верхнем ярусе мира возвышался могущественный бог Инмар – обладатель многих эпитетов: *выльсь, югыт, тӧдӧы, мусо, быдӟым* – верховный, светлый, белый, дорогой, великий [1, 101–102]. Как отмечал П. Богаевский в конце XIX в., «Инмар – источник всего доброго и хорошего, творец людей и всего мира... Для него не существовало и не будет существовать времени; живет он не для себя, а для людей, которые в свою очередь должны жить только для него. Его постоянное местопребывание на солнце, причем небо служит ему одеждою» (цит. по: [2, 68–69]);

в) высшее проявление, предел возможностей, мечтаний: *Инме жӱтыны* (СОВУЯ, с. 38) ‘Превозносить до небес’;

г) чистота: *Инмез саптась* (СОВУЯ, с. 38) ‘букв.: Коптитель неба (о тунеядце)’; *Инмысь сӧд лымы уг усыы* (Ингур, с. 320) ‘букв.: С неба не идет черный снег’.

Указанный выше признак находит параллели и в других жанрах удмуртского фольклора. В этом ключе отдельно следует отметить бытование удмуртского мифа о том, почему небеса отделились от земли: «Вначале небо было чистое, как снег, белое, как березы. И на земле среди людей

царили мир и согласие. Счастливые были времена! <...> Однажды женщина, издеваясь над прекрасным небом, забросила на облака грязные пеленки. И боги ничего ей за это не сделали. Только белые небеса сразу потемнели, посинели и начали медленно подниматься все выше и выше над землей и стали совсем недостижимыми» (Ингур, с. 18).

2. В исследуемой группе ФЕ, как показывают количественные подсчеты, доминирует компонент *төл* 'ветер' (всего 25 словоупотреблений, что составляет 36,8 % от общего количества ФЕ тематической группы). В качестве смыслообразующих признаков в этом случае можно выделить следующие:

а) легкость: *Төл кадь лобаны* (СОВУЯ, с. 118) 'Носиться как ветер';

б) свобода: *Төлъя-буръя лэзьыны* (СОВУЯ, с. 119) 'Пустить по ветру'. При этом свободу необходимо отличать от бесхребетности: *Төл кудлань, со но солань* (СОВУЯ, с. 118) 'Куда ветер, туда и он'; *Куднала төл, со но сопала* (СОВУЯ, с. 55) 'Куда ветер, туда и он';

в) инициатор действий, происходящих изменений: *Төлтэк писпу уг выры* (СОВУЯ, с. 119) 'букв.: Дерево без ветра не качается'; *Куссэ лек төл чигтоз* (СОВУЯ, с. 59) 'Талию ветром переломит'; *Төлтэм дыръя чашетйсь пипу* (СОВУЯ, с. 119) 'букв.: Как осина, шумящая в безветренную погоду (о человеке, любящем пошуметь без причины)'; *Пуны утоз – төл нуоз* (СОВУЯ, с. 97) 'Собака полагает, ветер унесет'; *Шулдыр куазез төл сөре, улон кысыпез кыл сөре* (Ингур, с. 311) 'букв.: Ясную погоду ветер портит, человеческие отношения слово разрушает';

г) ветер – метафора силы: *Огназ сылйсь писпуэз төл погыртэ* (СОВУЯ, с. 82) 'букв.: Одинокое дерево ветер валит (одинокому человеку трудно преодолеть невзгоды)'; при этом движение против ветра не может увенчаться успехом: *Төллы пумит ветлыны секыт* (СОВУЯ, с. 118) 'букв.: Против ветра ходить тяжело'; *Төллы пумит эн сяла* (СОВУЯ, с. 118) 'Не плыви против ветра';

д) безделье: *Төлэз уйыса ветлыны* (СОВУЯ, с. 119) 'букв.: За ветром гонять-

ся (бездельничать)'; *төлъя ветлыны* (Лесникова, с. 111) 'ходить по ветру';

е) умонастроение человека: *Визьмыз төлъя шудэ* (СОВУЯ, с. 20) 'букв.: Ум по ветру играет ~ Ветер в голове'; *Йыраз төл шула* (СОВУЯ, с. 39) 'Ветер в голове'; *Йырысь төлзиз* (СОВУЯ, с. 42) 'Вылетело из головы'; *Төл вуко* (СОВУЯ, с. 118) 'букв.: Ветряная мельница (о ветреном, легкомысленном человеке)'; *Төло пу* (СОВУЯ, с. 118) 'букв.: Ветродуя, Ветрогон (о непостоянном, ненадежном человеке)'; или отсутствие чего-либо: *кисыын төл шула* (Лесникова, с. 45) 'букв.: в кармане ветер свистит (о безденежном человеке)';

ж) ветер – необходимое условие для круговорота жизни: *Төлтэм азе тузон пуксе* (СОВУЯ, с. 119) 'букв.: На безветренное место пыль садится'.

Интересно, что традиционный для многих лингвокультур признак 'скорый, быстрый' (например, англ. *Go (or run) like the wind* (also *outstrip the wind*); амер. *split the wind* 'мчаться во весь опор, нестись; бежать со всех ног, сломя голову; нестись как ветер' или англ. *Like the wind* 'быстро, как ветер') в проанализированных источниках не обнаружен.

В удмуртской фразеосистеме ограниченную дистрибутивную нагрузку имеет лексема *сылтөл* 'сильный ветер, буря', характеризующаяся признаком «несчастье, беда»: *Сылтөл жужыт писпуэз нырысь погыртэ* (Ингур, с. 322) 'Сильный ветер вначале валит одиноко стоящее дерево', а также *төлпери* 'вихрь, буря, ураган', ассоциирующаяся или с эмоциональными порывами человека: *Мугораз төлпери шудэ* (СОВУЯ, с. 74) 'букв.: В теле буря играет (разошелся)', или с разрушительной силой: *төлпери кадь ортчаны* (Лесникова, с. 110) 'пройтись ураганом'.

3. Как и во многих фразеосистемах мира, в удмуртской паремии важное место занимает компонент *шунды* 'солнце' (всего 21 словоупотребление, что составляет 30,9 % от общего количества ФЕ исследуемой тематической группы), обладающий следующим набором признаков:

а) регулятор движения жизни, ритмики времени: *Нуналэн чеберез шунды жужаку ик адске* (СОВУЯ, с. 79) 'букв.:

Каков будет день, по восходу солнца узнаю (каким будет человек, уже с детства видно)»; *Шундыез уин адзыны уг луы* (СОВУЯ, с. 136) 'букв.: Ночью солнца не видать'; *Шунды ке потэ, толэзь но кысэ* (СОВУЯ, с. 136) 'Когда солнце всходит, и луна гаснет'; *Шундыез толэзен эн сура* (СОВУЯ, с. 136) 'букв.: Солнце с луной не путай ~ Солнце – князь земли, луна – княжна'; *Шунды – вылланы, нунал – азьланы* (СОВУЯ, с. 136) 'Солнце – выше, день – вперед (в природе все закономерно)'. Несмотря на то что солнце является гарантом рождения нового дня, жизнь полна неожиданностей: *Гулбечысь шунды жужаз ке, соку лэсьтоз* (СОВУЯ, с. 28) 'букв.: Только тогда сделает, когда солнце из подполья взойдет';

б) уникальность небесного светила / уникальность жизни: *Шунды котыктыын одйг* (СОВУЯ, с. 136) 'Солнце всем одинаково светит'; *Шундыез мешоке уд куты* (СОВУЯ, с. 136) 'Солнышко в мешок не поймаешь'; *Нуналаз шунды кык пол уг жужа, адымлы улон кык пол уг сётйськы* (Ингур, с. 307) 'Солнце не встает дважды в день, человеку две жизни не дается';

в) эталон трудолюбия: *Жужась шунды валесысен иземдэ медаз адзы* (Ингур, с. 303) 'букв.: Восходящее солнце пусть не видит, как ты спишь в постели'; *Шудо луэмед потэ ке, шундылэсь жужамзэ эн возьма, ачид азьло султы* (Ингур, с. 307) 'Если хочешь быть счастливым, не жди, пока солнце взойдет, вставай сам раньше него'; *Азытэм муртлы шунды но вазь жужа* (СОВУЯ, с. 8) 'Ленивому кажется, что и солнце рано встает'. Данный признак является одним из частотных в пословицах и поговорках удмуртского народа: *Уж дыръя шундыез ачид сайкаты* (Ингур, с. 304) 'В страду солнце сам буди'; *Гырыку шундыез уг учко* (Ингур, с. 303) 'Когда пашут, на солнце не поглядывают';

г) разнообразие бытия: *Шунды но огкадь уг жужа* (СОВУЯ, с. 136) 'букв.: И солнце не всегда одинаково всходит ~ И солнце не всех одинаково греет'; *Потымтэ шундыен шунтйськыны* (Лесникова, с. 85) 'букв.: Греться в тепле солнца, которое еще не взошло ~ Делить кожу неубитого медведя';

д) источник счастья: *Чук бус шундыез уз вормы* (Ингур, с. 323) 'Утренний туман не затмит солнца'; *Шундыез пилем уз чокса* (Ингур, с. 323) 'Туча не скроет солнца';

Отметим, что в удмуртской фразеосистеме в отличие от некоторых других образ солнца редко ассоциируется со способностью излучать свет и тепло: *Шунды шорын шуныт, нэнэ бордын лякыт* (Ингур, с. 315) 'На солнце тепло, рядом с матерью душевно'. Данный признак чаще актуализируется в противопоставлении с образом *толэзь* 'луна': *Толэзь пиштэ ке но, уг шунты* (СОВУЯ, с. 117) 'Луна светит, да не греет'.

Солнце – источник жизни. Неслучайно, как и в других культурах (например, англ. *Great Sun!* 'Боже мой! Видит бог! Вот те на! Не может быть! Честное слово! Вот так так!'), главная клятва у удмуртов связана с солнцем: *Та шунды понна!* (Лесникова, с. 109) 'букв.: Вот за это солнце! Солнцем клянусь!'.

Удмуртский исследователь Т. Г. Владыкина образ Матери-Солнца *Шунды-Мумы* относит к числу главных среди природных праматерей: Матери-Луны *Толэзь-Мумы*, Матери-Воды *Ву-Мумы*, Матери-Грома *Гудыри-Мумы* и т. д. По свидетельству ученого, он представлен в текстах разного жанра: от детских закличек к *Шунды-Мумы* или к самому солнцу с просьбой выйти в пасмурный, дождливый день, чтобы согреть все живое, до гостевых ритуальных песен, где дневное небесное светило становится одним из распространенных образов психологического параллелизма [2, 29–32].

4. Еще один присутствующий в удмуртской паремии компонент из тематической группы «Небесная сфера» – *пилем* 'туча, облако' (всего 6 словоупотреблений, что составляет 8,8 % от общего количества ФЕ исследуемой тематической группы), собирающий следующие признаки значений:

а) неприятности, беда: *Пилем улысь шунды потйз* (СОВУЯ, с. 91) 'букв.: Из-за тучи выглянуло солнце (беда миновала)'; *Пилемтэк зоре* (СОВУЯ, с. 91) 'Дождь без туч (плакать без причины)'; *Шундыез пилем уз чокса* (Ингур, с. 323) 'Туча не скроет солнца';

б) структурная единица мироустройства: *Пилем ке вань, зорез но вань* (СОВУЯ, с. 91) ‘букв.: Тучи есть, будет дождь (без причины не бывает следствия)’; *Пилем-тэм инмысь гудыриез уд кылы* (СОВУЯ, с. 91) ‘Без тучи грома не бывает’;

в) непостоянство: *Пинал визь – тёлъя-бурья пилем кадь* (Ингур, с. 308) ‘букв.: Молодой ум – словно облако, гонимое ветром’.

5. *Толэзь* ‘луна’ – один из интереснейших образов в удмуртской мифологии, представленный в трех ипостасях: 1) небесное светило; 2) мифологизированный космический объект, требующий особого почитания; 3) календарный месяц [3, 128; 16, 88].

В системе фразеологизмов исследуемая лексема представлена довольно редко (нами зафиксировано всего 2 словоупотребления, что составляет 2,9 % от общего количества выявленных примеров), обладая следующими смыслообразующими признаками:

а) отдаленность, высота: *Толэзьысь васькем* (СОВУЯ, с. 118) ‘букв.: с луны спустился’;

б) отсутствие тепла: *Толэзь пиштэ ке но, уг шунты* (СОВУЯ, с. 117) ‘Луна светит, да не греет’.

Низкая дистрибутивная нагрузка исследуемой лексемы в удмуртской фразеосистеме может объясняться особым отношением к луне: «При случайном указании пальцем на луну, что воспринималось как святотатство, следовало тут же обручать себя: “Измертан! / Излы мертан!” (‘Камни взвешивающий’)» [3, 128].

По свидетельству В. Е. Владыкина, в удмуртском фольклоре полная луна служит символом здоровья, красоты (*тыр толэзь кадь* ‘словно полная луна’). Отмечая красоту человека, удмурты предпочитают говорить не *чебер* ‘красивый’, а *чылкыт*, *сайкыт* ‘чистый, ясный’ – данные эпитеты ассоциируются с признаками луны [1, 36].

6. Во фразеосистемах многих языков важную роль играет концепт *звезда*. Однако в удмуртской фразеологической системе *кизили* ‘звезда’ отличается невысокой дистрибутивной нагрузкой (всего 2

словоупотребления, что составляет 2,9 % от общего количества словоупотреблений исследуемой тематической группы) и чаще всего является метафорой множественности: *кизили мында* ‘как звезд (на небе)’, или удаленности: *инмысь кизили кадь* (Лесникова, с. 36) ‘как звезда в небе’. Ближайшее значение представлено и в удмуртском фольклоре: «Звезды – символ множества, бесчисленности, созвездие – символ нераздельности и недостижимости» [2, 39].

Несмотря на то что на сегодняшний день исследователями выявлено более 50 удмуртских космонимов [10], названия звезд во фразеологизмах практически отсутствуют. Аналогичная тенденция характерна в целом для удмуртского фольклора, где «“именные” созвездия и отдельные звезды встречаются не так часто, но в весьма оригинальных сопоставлениях песенных ассоциативных параллелизмов» [1, 40–41]. Вероятно, данная тенденция связана с особым отношением к звездам, с верой в существование души в виде звезды. Как отмечает В. Е. Владыкин, эта вера прослеживается в устойчивом сочетании *кизили усем* ‘звездой отмеченный (букв.: звезда упала)’ – так удмурты говорят о парализованном человеке, не умершем, но уже как бы «обездушенном». Дурным предзнаменованием считались кометы *быжо кизили* ‘букв.: хвостатые звезды’ [1, 43]. Допустимо предположить, что изучение художественных произведений удмуртских авторов позволит в перспективе определить дополнительные семантические возможности удмуртских космонимов.

7. В исследуемой группе фразеологизмов минимальной дистрибутивной нагрузкой характеризуется лексема *гудыри* ‘гром’ (всего 1 словоупотребление, что составляет 1,5 % от общего количества выявленных примеров), вербализующая выражение сверхъестественных способностей:

Гудыри но уз вырзыты (СОВУЯ, с. 28) ‘И громом не прошибет’.

По-видимому, это обусловлено высокой степенью мифологизации образа, а также страхом перед сверхъестественными силами. Исследователи удмуртской мифологии

отмечают, что Праматерь-Гром *Гудыри-мумы* воспринималась как объединенный образ грома и молнии, как божество, вызывающее бури и грозы, уничтожающее градом хлеба, карающее за грехи, особенно если рвут цветы дикой гвоздики в период летнего солнцестояния [3, 128].

Заключение

Во фразеологической системе удмуртского языка устойчивые выражения, репрезентирующие тематическую группу «Небесная сфера» (включая воздушную сферу), занимают важное место, несмотря на то что в лексикографических трудах зафиксировано всего 68 соответствующих фразеологических единиц. Нами выявлено семь лексем, активно участвующих в образовании ФЕ исследуемой тематической группы: *ин* ‘небо’, *тӧл* ‘ветер’, *шунды* ‘солнце’, *пилем* ‘туча’, *толэзь* ‘луна’, *кизили* ‘звезда’, *гудыри* ‘гром’. Каждый из них имеет свое семантическое наполнение.

Наиболее широкий спектр значений представлен лексемой *тӧл* ‘ветер’ (36,8 % от всех словоупотреблений), доминантными признаками которого являются динамичность и мощь. Самой низкой дистрибутивной нагрузкой обладают компоненты *гудыри* ‘гром’ (1,5 %), *толэзь* ‘луна’ (2,9 %), *кизили* ‘звезда’ (2,9 %). Близкое соотношение частотности употребления исследуемых лексем, а также их семантическое наполнение характерно и для текстов удмуртского фольклора. Это

позволяет говорить о национально-культурной специфике репрезентации исследуемых фразеологических единиц.

Семантика фразеологизмов и паремий доносит до нас представление наших предков о субъектах и объектах естественного (природного) мира, качествах и свойствах этих субъектов и объектов. Оно отражается в семантике языковых единиц через систему значений и ассоциаций. Особенностью репрезентации ФЕ небесной сферы выступает использование переносных значений, а именно: от прямого значения собственно природных явлений через физические характеристики человека к характеристике его духовной сферы, например: *пилем* ‘туча’ – *пилемо мылкыд* ‘букв.: облачное настроение = плохое настроение’ – *Шундыез пилем уз чокса* ‘букв.: Туча не скроет солнца’ в значении ‘Добро побеждает зло’.

Фразеологические единицы исследуемой тематической группы не только передают отношение к различным природным явлениям (страх, почитание, уважение и др.), но и представляют собой некий свод знаний, в котором концентрируется информация, содержащая совокупность знаний о миропорядке. Таким образом, изучение фразеологических единиц различных тематических групп способствует решению вопросов соотношения языка и культуры, языка и общества, языка и мышления, языка и поведения, языка и лингвистической диактики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Владыкин В. Е. Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов. Ижевск: Удмуртия, 1994. 384 с.
2. Владыкина Т. Г. Удмуртский фольклорный миротекст: образ, символ, ритуал: моногр. Ижевск: МонПоражён, 2018. 298 с.
3. Владыкина Т. Г., Глухова Г. А. Ар-год-берган: обряды и праздники удмуртского календаря. Ижевск: Удмурт. ун-т, 2011. 320 с.
4. Гендерная репрезентация марийской этнической идентичности: язык, фольклор, литература: моногр. / под ред. Н. Н. Глуховой. Йошкар-Ола: Стринг, 2017. 384 с.
5. Гончарова Н. Н. Языковая картина мира как объект лингвистического описания // Известия Тульского государственного университета. 2012. № 2. С. 396–405.
6. Душенкова Т. Р. Ключевые понятия удмуртской языковой картины мира: моногр. Ижевск: Шелест, 2020. 246 с.
7. Душенкова Т. Р. Эмоциосфера удмуртской языковой картины. Ижевск, 2020. 324 с.

8. Егоров А. В. Удмуртская соматическая фразеология (в сопоставлении с венгерской): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2010. 19 с.
9. Карабукаев К. Ш. Экологические традиции как важный фактор взаимосвязи общества и природы (на примере кыргызского народа) // Манускрипт. 2017. № 11 (85). С. 83–85. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-traditsii-kak-vazhnyy-faktor-vzaimosvyazi-obschestva-i-prirody-na-primere-kyrgyzskogo-naroda> (дата обращения: 07.09.2020).
10. Кириллова Л. Е. Удмуртская космонимия // Иднакар: методы историко-культурной реконструкции. 2016. № 2 (31): Сакральное пространство в культуре народов Урало-Поволжья. С. 31–40.
11. Кубрякова Е. С. Роль словообразования в формировании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. Москва, 1988. С. 141–172.
12. Лесникова Г. Н. Фразеология удмуртского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ижевск, 1994. 22 с.
13. Тараканов И. В. Удмурт лексикая очеркъяс. Ижевск: Удмуртия, 1971. 96 с.
14. Телия В. Н. Русская фразеология: семантический, парадигматический и лингвокультурологический аспекты. Москва: Языки рус. культуры, 1996. 288 с.
15. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межкультурной коммуникации. Москва: Слово, 2008. 344 с.
16. Шутова Н. И. История происхождения и семантика лунного знака Толзэё // Вестник Удмуртского университета. Сер.: История и филология. 2015. Т. 25, вып. 4. С. 87–94.
17. Hakulinen A., Ojanen J. Kielitieteen ja fonetiikan termistöä. Tampere: Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 1993. 170 s. (Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimituksia; 324).
18. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor // Metaphor and thought / ed. by A. Ortony. Cambridge, 1993. P. 202–251.
19. Munkácsi B. A wotják nyelv szótára. Budapest, 1896. XVI + 758 l.
20. Nenonen M., Penttilä E. Eponymiset idiomit suomen kielessä // Sananjalka. 2019. Vol. 61, no. 61. S. 80–103.
21. Wiedemann F. J. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval: Kluge & Ströhm, 1851. 390 S.

Поступила 10.09.2020, опубликована 25.12.2020

REFLECTION OF THE LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD IN UDMURT PHRASEOLOGY (on the material of the “Celestial sphere” theme group)

Natalia V. Kondratieva,

*Doctor of Philology, Professor,
Department of General and Finno-Ugric Linguistics,
Udmurt State University
(Izhevsk, Russia), nataljakondratjeva@yandex.ru*

Tatiana A. Krasnova,

*Candidate Sc. (Philology), Associate Professor,
Department of Linguistic Typology and Linguodidactics
Udmurt State University
(Izhevsk, Russia), tanja-krasnova@bk.ru*

Introduction. The phraseological fund of any language reflects specific features of the cultural and national view of the world, and each phraseological unit contributes to the formation of a common linguistic picture of the world. The influence of this source gives the language a vivid national character. The focus of this article is on all types of phraseological units (from idioms to proverbs and sayings) containing the lexemes belonging to the thematic group «Heavenly sphere (including the air sphere)» as a key word and having parallels in the folklore tradition of the Udmurt people.

Materials and Methods. The research is based on the analysis of the materials from the lexicographic work “Expressive means of the Udmurt language” (1996) as well as phraseological units from the book “Aid in recording Udmurt phraseology” (2003) by G. N. Lesnikova and proverbs from the anthology “Ingur: anthology of Udmurt folklore” (2004). The research is carried out through the complex of methods, such as the descriptive and continuous sampling methods as well as the technique of situational and contextual analysis, which allows to consider the situationally determined connections of paroemia and paroemic expressions. The use of these methods makes it possible to reveal the correlation between the language as a system and the cognitive aspect of the language material under study.

Results and Discussion. It was revealed that for the system of the Udmurt language as the basic units of the group under study, we can distinguish static *in* ‘sky’, where everything has its place and order, and dynamic *töl* ‘wind’, which characterizes a force, a very strong flow, having both creative and destructive power. A set of key phraseological units with the components *shundi* ‘sun’, *tolez* ‘moon’, *gudiri* ‘thunder’, *pilem* ‘cloud’, *kiz’ili* ‘star’ also allows to identify the national specifics and worldview of the Udmurt people.

Conclusion. The broadest range of meanings is represented by the lexeme “tol” meaning ‘wind’. Among the considered phraseological units, the lexeme *gudiri* ‘thunder’ has the minimum distributive load, which, apparently, can be explained by the specifics of the natural phenomenon itself. In some cases, the semantic load of the studied units has direct parallels with the images and motives presented in certain genres of Udmurt folklore. The peculiarity of the representation of these phraseological units is based on the figurative meanings of words.

Key words: Udmurt language; Finno-Ugric languages; phraseological units; language picture of the world; theme group “Celestial sphere”.

For citation: Kondratieva NV, Krasnova TA. Reflection of the linguistic picture of the world in Udmurt phraseology (on the material of the “Celestial sphere” theme group). *Finno-ugorskii mir* = Finno-Ugric World. 2020; 12; 4: 389–399. (In Russian)

REFERENCES

1. Vladynkin VE. Religious and mythological picture of the Udmurt world. Izhevsk; 1994. (In Russian)
2. Vladykina TG. Udmurt folklore world text: image, symbol, ritual. Izhevsk; 2018. (In Russian)
3. Vladykina TG, Gluhova GA. Cycle of the year: Rituals and Holidays of the Udmurt calendar. Izhevsk; 2011. (In Russian)
4. Gluhova NN, ed. Gender representation of the Mari ethnic identity: language, folklore, literature. Monograph. Ioshkar-Ola; 2017. (In Russian)
5. Goncharova NN. Language picture of the world as an object of linguistic description. *Izvestiia Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta* = *News of Tula state University*. 2012; 2: 396–405. (In Russian)

6. Dushenkova TR. Key concepts of the Udmurt language picture of the world. Izhevsk; 2020. (In Russian)
7. Dushenkova TR. Emotional sphere of the Udmurt language picture of the world. Izhevsk; 2020. (In Russian)
8. Egorov AV. Udmurt somatic phraseology (in comparison with Hungarian. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Izhevsk; 2010. (In Russian)
9. Karabukaev KSh. Ecological traditions as an important factor of society and nature collaboration (on the example of the Kyrgyz people). *Manuskript* = Manuskript. 2017; 11 (85): 83–85. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekologicheskie-traditsii-kak-vazhnyy-faktor-vzaimosvyazi-obschestva-i-prirody-na-primere-kyrgyzskogo-naroda> (accessed 07.09.2020). (In Russian)
10. Kirillova LE. Udmurt cosmonomy. *Idnakar: metody istoriko-kul'turnoi rekonstruktsii* = Idmnakar: methods of historical and cultural reconstruction. 2016; 2 (31): 31–40. (In Russian)
11. Kubriakova ES. The role of word formation in shaping the language picture of the world. *Rol' chelovecheskogo faktora v iazyke: Iazyk i kartina mira* = The role of the human factor in language: Language and picture of the world. Moskva; 1988: 141–172. (In Russian)
12. Lesnikova GN. Phraseology of the Udmurt language. Abstract of dis. ... Cand. of Philol. Sci. Izhevsk; 1994. (In Russian)
13. Tarakanov IV. Essays on Udmurt lexicology. Izhevsk; 1971. (In Udmurt)
14. Teliya VN. Russian phraseology: semantic, paradigmatic, and linguoculturological aspects. Moskva; 1996. (In Russian)
15. Ter-Minasova SG. War and peace of languages and cultures: theory and practice of interlanguage and intercultural communication. Moskva; 2008. (In Russian)
16. Shutova NI. History of the origin and semantics of the moon sign Toleze. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Istoriia i filologiya* = Bulletin of the Udmurt university. Series: History and Philology. 2015; 25; 4: 87–94. (In Russian)
17. Hakulinen A, Ojanen J. Kielitieteen ja fonetiikan termistöä. Tampere; 1993; 324. (In Finnish)
18. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. *Metaphor and thought*. Cambridge; 1993: 202–251. (In English)
19. Munkácsi B. A votják nyelv szótára. Budapest; 1896. (In Hungarian)
20. Nenonen M, Penttilä E. Eponyymiset idiomit suomen kielessä. *Sananjalka*. 2019; 61; 61: 80–103. (In Finnish)
21. Wiedemann FJ. Grammatik der wotjakischen Sprache nebst einem kleinen wotjakisch-deutschen und deutsch-wotjakischen Wörterbuche. Reval; 1851. (In German)

Submitted 10.09.2020, published 25.12.2020